

Научная статья

УДК 339.54.012+338.001.36

doi: 10.55186/25876740_2023_66_2_200

РЕГИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПОЛИТИКА СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

А.С. Наумов¹, В.В. Акимова², С.И. Луговской³, Д.А. Сидорова¹

¹Высшая школа экономики, Москва, Россия

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

³Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

Аннотация. Во многих странах мира социально-экономическое развитие сельских территорий стало особым направлением региональной политики, по важности не уступающим поддержке сельскохозяйственного производства. В России до 2019 г. стратегическое целеполагание и государственное финансирование развития сельских территорий осуществлялись по остаточному принципу в рамках поддержки АПК. Статья посвящена анализу государственных программ сельского развития в трех странах — Великобритании, Финляндии и Канаде, обладающих определенным сходством сельских территорий с некоторыми российскими регионами. Выявлено, что все эти страны имеют в основе своих документов стратегического развития региональный подход и учет специфики различных территорий. В Финляндии в связи с низкой рентабельностью агропроизводства почти половина бюджета программы сельского развития приходится на регионы с природными и иными ограничениями. В Канаде управление региональным развитием децентрализовано, деятельность региональных корпораций развития опирается на местные инициативы. В Великобритании не существует единой общенациональной программы развития сельских районов. Программы для четырех частей королевства ориентированы на конкретные вызовы, но, несмотря на Брексит, базируются на общих принципах Единой сельскохозяйственной политики ЕС.

Ключевые слова: сельское развитие, региональный подход, государственная политика

Original article

REGIONALLY ORIENTED RURAL DEVELOPMENT POLICY: FOREIGN EXPERIENCE

A.S. Naumov¹, V.V. Akimova², S.I. Lugovskoy³, D.A. Sidorova¹

¹Higher School of Economics, Moscow, Russia

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

³Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia

Abstract. In many countries of the world, the socio-economic development of rural areas has become a special area of regional policy, which is not inferior in importance to the development of agricultural production. In Russia, until 2020 strategic goal-setting and state budgeting of the development of rural areas proceeded according to the residual principle within support of the agri-industrial sector. The article is devoted to the analysis of state programs in the field of rural development in three countries — United Kingdom, Finland and Canada, which have a certain similarity between their rural areas and some Russian regions. All these countries have a regional approach in the basis of their strategic development documents, taking into account the specifics of different territories. In Finland, because of low profitability of agricultural sector almost half of the budget of the rural development program falls on regions with natural and other restrictions. In Canada, the management of regional development is decentralized through regional development corporations and based on local initiatives. In the UK, there is no single nationwide rural development program for the entire country. Programs for four parts of the meet the specific challenges that each faces, even despite of the Brexit they still are based on the general principles of the EU Common Agricultural Policy.

Keywords: rural development, regional approach, state policy

Развитие сельских территорий традиционно рассматривалось как второстепенное направление государственной аграрной политики, подчиненное развитию сельскохозяйственного производства. Однако существенные изменения в характере занятости во все меньше нуждающемся в ручном труде сельском хозяйстве, а также появление у сельских территорий новых функций привели к тому, что оно становится особым направлением региональной политики. В Европейском союзе (ЕС) этот переход обозначился в начале 1990-х годов, и, хотя формально развитие сельских территорий продолжает относиться к сфере Единой сельскохозяйственной политики (Common Agricultural Policy — CAP), сельское развитие

рассматривается как направление, равноценное экономической поддержке агропроизводства. В США о новых принципах политики сельского развития заговорили в 2017 г., когда решением президента Трампа была создана межведомственная целевая группа по сельскому хозяйству и сельскому процветанию. В России амбициозная государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» принята недавно, в 2019 г. Поэтому крайне важным для нашей страны представляется обращение к опыту, который уже накопили в этой области зарубежные страны.

Постановка исследовательской задачи. Ввиду контрастов — как природных, так и социально-экономических между частями

российской территории особое значение имеет изучение региональных аспектов государственной политики сельского развития. В качестве примера обратимся к опыту Великобритании, Финляндии и Канады. По природным характеристикам сельские территории этих государств схожи со многими российскими регионами. В то же время, в каждой из трех стран региональная политика сельского развития имеет специфические особенности, которые могут представлять интерес для аналогичных программ в России. Канада — второе в мире после России государство по площади с обширными северными территориями, где особенности федерального устройства предопределяют децентрализованную модель регионального развития.

Финляндия соседствует с северо-западными регионами России, она типичный бенефициар общеевропейских программ регионального развития в рамках CAP. Великобритания одна из наиболее развитых стран мира, но между различными частями королевства отмечаются большие контрасты в уровне развития сельских территорий. В 2020 г. Великобритания вышла из ЕС, что вызвало изменения в ранее мало отличавшейся от других стран Европы политике сельского развития.

Сравнительный анализ государственных программ сельского развития в выбранных нами странах в значительной степени основан на подробной информации об их реализации, в том числе, в региональном разрезе, которая доступна на профильных ресурсах в сети интернет.

В **Великобритании** власти начали заниматься сельским развитием еще в 1909 г., с тех пор это направление государственной политики претерпело существенные изменения. После вступления страны в ЕС в 1973 г. она реализовывалась в рамках CAP. В 1997 г. в четырех частях королевства были созданы агентства регионального развития (RDA), в компетенции которых вошли социально-экономические программы для сельской местности, а в 2001 г. было образовано министерство окружающей среды, продовольствия и развития сельских территорий (DEFRA). Комплексный подход к развитию сельской экономики возобладал в 2007–2010 гг. во время нахождения у власти премьер-министра Брауна [18].

В настоящее время развитие сельских территорий осуществляется в рамках региональных программ для четырех частей королевства. Эти программы основаны на общих подходах, выстроены по одинаковым приоритетным направлениям и пока еще, несмотря на выход страны из ЕС, опираются на единые механизмы реализации, соответствующие нормативам CAP. Один из важнейших механизмов — вовлечение, поддержка, ресурсное обеспечение и расширение возможностей местных сельских сообществ в рамках интегрированного направления региональной политики стран ЕС, называемого LEADER (фр. Liaison Entre Actions de Développement de l'Économie Rurale — «связь между действиями по развитию сельской экономики»). Ключевую роль в этом играет инициатива снизу: финансируются проекты, инициированные местными сообществами и поддерживаемые ими на основе софинансирования или счет собственных материальных и иных активов. Первоначально объектом программы LEADER были депрессивные периферийные сельские районы, основной упор делался на повышение продуктивности фермерских хозяйств и поддержку малого бизнеса. В 2000 г. программа была переименована в LEADER+, ее действие распространилось на все типы сельских территорий, а с 2007 г. к отраслевым приоритетам добавились рыболовство и аквакультура. Государственную поддержку получили развитие лесного хозяйства, сельского туризма, деятельности, связанной с сохранением природного и культурно-исторического наследия.

Несмотря на шаблонность подходов к сельскому развитию, между частями Соединенного королевства имеются большие различия,

обусловленные их географическими особенностями. Англия — самая крупная из автономных частей Великобритании — 54% площади, 84% населения, 85% ВВП [11]. Она могла бы быть восьмой экономикой мира, в то время как Шотландия соответствовала бы уровню Греции, занимающей по объему ВВП 50-е место. В ЕС Англия была одним из самых густонаселенных регионов. Сельские территории, к которым относят районы, где нет населенных пунктов крупнее 10 тыс. человек, занимают 85% этой части королевства, в 2021 г. на них проживало 9,7 млн человек [3]. В Шотландии к сельским относят районы людностью до 3 тыс. человек. Они составляют здесь 95% площади, сельских жителей на 2020 г. было 933 тысячи [12]. При этом доля сельского населения в Англии и Шотландии примерно одинакова — около 17%. В Уэльсе она составляет 31% (960 тыс. человек), но север и запад этой части королевства мало населены и не являются развитыми сельскохозяйственными регионами. В Северной Ирландии на сельских территориях проживает более 700 тыс. человек — 37% всего населения.

До Брексита основным инструментом финансирования сельского развития в Великобритании были гранты Европейского сельскохозяйственного фонда развития сельских районов (EAFRD). Они выделялись с учетом локальных приоритетов развития на проекты, которые должны приносить выгоду местным сообществам. Финансирование программы развития сельских территорий Англии в 2014–2020 гг. составило 4,1 млрд евро. Он включал 3,4 млрд из бюджета ЕС, 1,7 млрд прямых выплат по CAP из бюджета Великобритании, прочие виды национального софинансирования и средства частных фондов [4]. Уэльс получил 1,5 млрд евро, в том числе, 652 млн из фондов ЕС, 288,2 млн из бюджета Великобритании в рамках выплат по CAP, а также 325,4 млн евро по линии национального софинансирования [19]. На программы сельского развития Шотландии было выделено 1,5 млрд евро, Северной Ирландии — 0,6 млрд; выплаты по CAP составили соответственно 836 млн и 228 млн евро [5, 13]. Таким образом, в отличие от остальных частей королевства, в Северной Ирландии объем софинансирования из национальных источников вдвое превысил средства, полученные от ЕС. В расчете на одного сельского жителя самыми дорогостоящими оказались программы для Шотландии (1,7 тыс. евро), на втором месте Уэльс (1,1 тыс.), на третьем Северная Ирландия (0,9 тыс.); в Англии этот показатель составил всего около 420 евро.

В программе развития сельских районов Англии 2/3 средств выделялось на междисциплинарное комплексное направление «сельское хозяйство — окружающая среда — климат». Другие приоритетные направления — инвестирование в материальные активы, базовые услуги и обновление сельских населенных пунктов и поддержка местных инициатив [4]. Основные мероприятия программы были направлены на обеспечение эффективности управления земельными ресурсами, внедрение «экологических» технологий, развитие возобновляемой энергетики, повышение продуктивности фермерского и лесного хозяйства, обеспечение конкурентоспособности фермеров и иных землепользователей,

стимулирование сельского туризма, распространение широкополосного Интернета. Планировалось создать более 10 тыс. учебных мест для содействия внедрению инноваций в сфере сельского и лесного хозяйства.

В Уэльсе структура финансирования сельского развития мало отличалась от Англии. В Шотландии 1/3 составили выплаты районам, испытывающим природные и прочие ограничения, 24% было выделено на комплексное направление «сельское хозяйство — окружающая среда — климат», 22% — на развитие лесных территорий и повышение жизнеспособности лесных массивов [13]. В Северной Ирландии ключевой статьёй финансирования было инвестирование в материальные активы (43,6%), на направление «сельское хозяйство — окружающая среда — климат» выделялось 19,9%, на выплаты районам, испытывающим природные и прочие ограничения, — 11,2% [5]. Финансирование поддержки местных инициатив на платформе LEADER составило от 4,2% в Англии до 9,9% в Шотландии.

Брексит вызвал необходимость изменения политики сельского развития. В первую очередь реформы затронули Англию. В 2018 г. было объявлено о новом принципе «государственные деньги за общественные блага», в соответствии с которым фермеры и другие землепользователи будут в первую очередь получать выплаты за предоставление экологических услуг, а не пропорционально площади обрабатываемых земель. После 2024 г. землепользователям фактически не потребуется обрабатывать землю для получения государственного финансирования. По закону о сельском хозяйстве 2019–2021 гг. в основу государственной поддержки легла Схема экологического управления земельными ресурсами (ELMS), затем был утвержден список «общественных благ», за которые могут выплачиваться субсидии [2]. Появились новые виды выплат, например, для поощрения фермеров, вышедших на пенсию и предоставивших землю новым землепользователям. На переходный период до 2028 г. рассчитаны особые программы, в том числе «Сельское хозяйство в охраняемых ландшафтах».

В Уэльсе по новому плану устойчивого ведения сельского хозяйства с 2025 г. фермеры будут получать субсидии за ведение сельского хозяйства способами, способствующими созданию положительных экологических эффектов. Шотландия пошла по иному пути. В августе 2020 г. местный парламент принял закон о сельском хозяйстве в числе прочих так называемых сохранных законов ЕС, позволяющий постепенно изменять унаследованный режим CAP. Шотландское правительство планирует сохранить прямые выплаты фермерам до конца 2026 г. Но к 2025 г. одна половина выплат будет зависеть от «генерации экологических выгод», другая — по-прежнему определяться площадью обрабатываемых земель. В отличие от властей Англии, шотландское правительство считает, что главной целью нового режима субсидирования должно остаться производство продуктов питания и удержание фермеров на территории для ведения сельского хозяйства.

Поскольку Северная Ирландия остается в таможенной зоне ЕС, местные фермеры находятся в особом положении. Они продолжают получать субсидии пропорционально площади

обрабатываемых земель. Порядок выплат определяет правительство этой части королевства, законом о сельском хозяйстве Великобритании установлен лишь общий объем субсидий — 382 млн фунтов стерлингов. Он сопоставим с выплатами, которые фермеры Северной Ирландии получали до Брексита. Контуры будущих изменений сельскохозяйственной политики заданы четырьмя ключевыми направлениями: повышение производительности, жизнестойкость, экологическая устойчивость, гибкие цепочки поставок.

Финляндия — одна из самых «сельских» стран ЕС. С учетом так называемых промежуточных районов (городской периферии, где от 50 до 20% жителей — сельские), на сельские территории приходится более 95% площади страны, а сельские жители составляют 70% населения страны, хотя официально в городах проживает только 18% [17]. При этом Финляндия — лесная страна: доля сельскохозяйственных земель в земельном фонде не превышает 7% (2,3 млн га), а вклад сельского хозяйства в ВВП страны колеблется на уровне 2-3% [15].

Основу сельского хозяйства Финляндии составляют небольшие по площади семейные фермы, однако наметилась тенденция к увеличению их среднего размера: с 41 до 51 га в 2011–2021 гг. [8]. Главная отрасль — молочное скотоводство; молоко составляет около 30% стоимости сельскохозяйственной продукции страны. Проблемы сельского хозяйства Финляндии связаны с низкой. Поэтому на комплекс мер, нацеленных на районы с природными и иными ограничениями, в 2014–2021 гг. пришлось почти половина всех средств, выделяемых государством на сельское развитие, — около 3,7 млрд евро. На втором месте направление «сельское хозяйство — окружающая среда — климат», на третьем — инвестирование в материальные активы. Наряду с выплатами из государственного бюджета сельское развитие финансируется в рамках CAP через EAFRD; в среднем за год на Финляндию приходится около 2,5% средств, расходуемых ЕС на программы сельского развития [6].

Государственная поддержка развития сельских районов Финляндии осуществляется в рамках двух региональных программ: для сельских районов материковой Финляндии и для Аландских островов. «Материковая» программа относится к компетенции министерства сельского и лесного хозяйства Финляндии, «островная» находится в ведении автономного регионального правительства. В основе обеих программ лежит одинаковый набор из 6 приоритетных направлений и 12 из 20 мер политики, заложенных нормативами CAP. Приоритетными направлениями стали:

- повышение квалификации, распространение информации и инноваций, развитие различных видов кооперации;
- смягчение последствий изменения климата и адаптация к ним;
- увеличение биоразнообразия, улучшение состояния водных объектов и используемых в агропроизводстве почв;
- диверсификация предпринимательства и рост занятости, повышение качества услуг, расширение возможностей для участия сельских жителей в хозяйственной деятельности;

- повышение конкурентоспособности агропроизводства;
- производство высококачественных продуктов питания и улучшение благополучия животных.

Рассмотрим подробнее «материковую» программу [9]. Ее общий бюджет на 2014–2020 гг. составил около 8,3 млрд евро. 29% было выделено фондом EAFRD, большая часть средств пришлось на национальный вклад. Главными стали экосистемные мероприятия (5,7 млрд евро), направленные на устойчивое развитие агроландшафтов и сохранение естественных лугов и пастбищ вне зависимости от того, используются ли они для производства продуктов питания, сырья, возобновляемой энергии. Второй по объему финансирования комплекс мер (около 1 млрд евро) — обеспечение конкурентоспособности: повышение производительности агропроизводства, оптимизация его организационной структуры и специализации с учетом территориальных различий, а также омоложение корпуса фермеров. Третье место (762 млн евро) заняли мероприятия по социальной инклюзии и местному развитию: обеспечение стабильного предоставления услуг, поддержка внедрения новых технологий, строительство безопасного жилья. 559 млн евро выделялось на направление «продовольственные цепочки и управление рисками». Последнее место заняло повышение устойчивости сельской экономики с учетом изменений климата (150 млн евро). Средства выделялись на «экологическую осведомленность», внедрение энерго- и ресурсоэффективных технологий, развитие возобновляемой энергетики, более эффективное использование навоза.

В **Канаде** сельское развитие долгое время не выделялось из отраслевой и региональной политики. Поскольку преобладающим типом сельскохозяйственных предприятий в этой стране являются фермерские хозяйства, главной целью отраслевой аграрной политики после принятия в 1961 г. закона о защите фермерских доходов стало повышение экономической эффективности ферм. Наряду с программой стабилизации доходов фермеров министерством сельского хозяйства и продовольствия реализовывались программы по страхованию посевов и поголовья животных, привлечению инвестиций, стимулированию инновационного развития производства, защите окружающей среды, обеспечению продовольственной безопасности, контролю качества продовольствия и устойчивому развитию сельских территорий. Государство финансировало развитие инфраструктуры, повышение мобильности рабочей силы, стимулирование занятости, продвижение фермерской продукции на внутреннем и внешнем рынках. Выделялись трансферты на выравнивание бюджетной обеспеченности северных территорий, повышенную оплату труда сельских социальных и медицинских работников, учителей, программу школьных автобусов и проч.

С 2003 г. аграрная политика в Канаде осуществляется на основе соглашений между федеральным и региональными правительствами в рамках пятилетних национальных программ развития АПК [1]. Они финансируются на паритетных началах федеральным центром

и региональными правительствами при участии негосударственных фондов. Общий объем государственной поддержки с начала XXI в. ежегодно составлял 2-3 млрд — канадских долл., максимального значения 8,5 млрд долл. он достиг в 2004 г. В 2021 г. было выделено 5,9 млрд долл., из которых 5,6 млрд составляли федеральные средства, 170 млн — средства провинций. 3,7 млрд долл. пришлось на программу страхования посевов. Действует также особая программа провинции Квебек «Agri-Quebec», на которую в 2021 г. было выделено 87,7 млн долл., это крупнейшая по объему финансирования региональная программа [14].

В рамках региональной политики внимание сельскому развитию стало уделяться в 1961 г. после принятия закона о реабилитации сельского хозяйства и развитии сельских территорий. Управление региональным развитием децентрализовано, основную роль в нем играют региональные корпорации развития в провинциях. Особое место занимают программы для северных регионов — Юкона, Нунавута и Северо-Западных территорий, управление которыми ранее осуществлялось напрямую федеральным центром. Финансируемые из центра крупные проекты сохранились в основном в сфере добычи минерального сырья. Развитие сельской экономики и традиционных видов хозяйственной деятельности коренного населения теперь осуществляется в основном за счет государственно-частного партнерства при незначительной доле финансирования из региональных бюджетов.

Для координации в сфере сельского развития создана сетевая структура «Канадское сельское партнерство» (Canadian Rural Partnership). В ее задачи входит развитие диалога между федеральными властями и жителями сельских и северных территорий и адресное определение мер политики сельского развития. Регулярно проводятся национальные сельские конференции. В 2020 г. такая конференция была посвящена проблемам ревитализации сельской местности, в 2018 г., когда генеральным спонсором конференции была Почтовая служба Канады, — развитию сферы услуг в сельской местности и проблемам коренного населения. Деятельность региональных отделений общенациональной сетевой структуры сельского развития координируется с общенациональным проектом развития «Перспективы сообщества» (Community Futures).

Самостоятельным направлением государственной политики развитие сельских территорий стало в Канаде лишь в 2019 г. с назначением коронного министра по делам сельского экономического развития (без министерства). Тогда же стартовала федеральная программа «Сельские возможности, национальное процветание: стратегия экономического развития для сельской Канады». Основные направления этой программы были сформулированы по итогам встреч министра с сельскими жителями всех провинций и территорий. Новая программа координирует деятельность по направлениям, выходящим за сферу компетенции министерства сельского хозяйства и продовольствия. Например, доступ к высокоскоростному Интернету обеспечивается в координации с соответствующей профильной программой. Также координируются

Таблица 1. Характеристики агропроизводства и государственная поддержка сельского хозяйства в провинциях Канады, 2021 г.
Table 1. Characteristics of agricultural production and state support of agriculture in the provinces of Canada, 2021

Провинция*	Кол-во ферм	Площадь ферм, тыс. га	Прямые выплаты и субсидии			
			Всего, млн долл.	На 1 ферму, тыс. долл.	На 1 га**, долл.	На 1 занятого***, тыс. долл.
Ньюфаундленд и Лабрадор	344	20,0	4,8	0,01	241	3,5
Остров Принца Эдуарда	1195	204,2	31,5	26,3	154	7,4
Новая Шотландия	2741	291,4	14,5	5,3	50	2,2
Нью-Брансуик	1851	277,4	17,5	9,5	63	3,0
Квебек	2938	3144,6	573,6	195,2	182	9,1
Онтарио	48346	4761,6	483,6	10,0	102	6,1
Манитоба	14543	6928,6	417,9	28,7	60	24,7
Саскачеван	34128	24388,5	2202,6	64,5	90	101,5
Альберта	41505	19893,2	2081,3	50,2	105	60,0
Британская Колумбия	15841	2285,7	116,7	7,4	51	3,4
Канада в целом	189874	62195,2	5943,9	31,3	96	22,1

Примечание: * Без учета Нунавута, Юкона и Северо-Западных территорий.
** В расчете на 1 га принадлежащих фермам земель (farmlands).
*** В расчете на 1 работника ферм; данные 2018 г.

Составлено авторами.

Источник: [14]

федеральные программы по снабжению продовольствием и предметами первой необходимости, обеспечению транспортной доступности, предотвращению старения и миграционного оттока населения, поддержке частного предпринимательства, занятости, привлечению инвестиций, инновационному развитию сельской экономики.

В целом около 40% всех расходов на сельское развитие в Канаде направляется на экономические цели (в основном, на поддержку агропроизводства), 30% — на развитие социальной инфраструктуры и прочие социальные цели, ещё 30% — на экологические цели [10].

Канадская национальная статистика позволяет оценить специфику финансирования сельского развития в разрезе провинций. Как видно из таблицы 1, лидерами по объему финансирования являются главные житницы Канады — «степные» провинции Саскачеван и Альберта. На них приходится почти три четверти всех выделяемых средств. Весьма интересно выглядит распределение государственной поддержки агропроизводства и развития сельских территорий в удельных показателях. При среднем значении 95,5 долл. на 1 га в целом по стране выплаты в расчете на единицу сельскохозяйственной площади в 2021 г. составляли от 241 долл. в Ньюфаундленде и Лабрадоре до лишь около 50 долл. в Британской Колумбии и в Новой Шотландии. В степных провинциях величина этого показателя близка к средней по стране. По объемам финансирования в расчете на одну ферму главными бенефициарами являются Квебек (по политическим причинам) и «степные» провинции. В них преобладают более крупные по площади фермы: в Саскачеване в среднем 670 га, в Альберте и Манитобе около 500 га (средний размер фермы в Канаде — 315 га) [14]. В расчете на одного занятого регионы с мелкими семейными фермами также проигрывают «степным» провинциям с гораздо более крупными товарными фермами и экстенсивным характером агропроизводства.

Выводы. Рассмотренные примеры не раскрывают все разнообразие подходов в странах мира к реализации государственной политики

сельского развития с учетом их внутрирегиональных различий. Однако исследование опыта Великобритании, Финляндии и Канады позволяет сделать следующие выводы, которые важны для России.

1. Государственная политика сельского развития, до недавнего прошлого бывшая направлением отраслевой аграрной политики, вышла за рамки поддержки сельскохозяйственного производства. В ее фокусе оказываются все сельские жители, а не только фермеры и все большую роль играют виды хозяйственной деятельности, дополняющие, а зачастую и замещающие агропроизводство. Тем самым, расширяется круг территорий — потенциальных бенефициаров государственной поддержки.

2. Один из главных принципов современной региональной науки: недостатки территории нужно превратить в ее преимущества [16]. В периферийных депрессивных районах могут, при соответствующих мерах поддержки, использоваться возможности для развития неаграрных видов экономики: сельского туризма, экосистемных услуг, аквакультуры.

3. Новая политика сельского развития не отменяет необходимость поддержки государством основных агропроизводящих районов, в рассмотренных нами странах бенефициарами соответствующих государственных программ остаются их основные житницы. Впрочем, дело не только в экономической целесообразности и обеспечении продовольственной безопасности. Зачастую финансирование сельского развития осуществляется на подушевой основе, а такие районы, как правило, наиболее населены.

4. Особое отношение во всех трех странах к районам с неблагоприятными климатическими условиями и природными рисками. Ни в одной из них нет даже намека на финансирование таких районов по остаточному принципу. Наоборот, везде принимается во внимание то, что с учетом изменений климата площадь таких районов может увеличиться, риски для сельского хозяйства и для сельского населения существенно возрастут. С учетом того, что подобные районы зачастую включают территории

проживания коренных малочисленных народов (индейцев и эскимосов в Канаде, саами в Финляндии), поддержка сельского развития становится мерой, позволяющей сохранить этническое разнообразие, и является важной политической задачей.

5. Принципиальное значение, даже для стран с территорией меньшей России, имеет точная региональная привязка мер государственной политики сельского развития. Необходимо разработка схем территориального планирования на основе инвентаризации сельских территорий, их типологии и районирования.

6. Ключевой элемент политики сельского развития — опора на местные инициативы. Благодаря такому подходу средства, выделенные из национальных бюджетов (а в государствах-членах ЕС и из общеевропейских фондов), не расходуются впустую. Проекты, инициированные местными сельскими общинами, бизнес-сообществами и негосударственными организациями заведомо обречены на успех. Крайне важны софинансирование и иные формы участия местных жителей в реализации проектов, одобренных на более высоком уровне. Особым примером является Канада, где в силу федеративного устройства государства управление сельским развитием в наибольшей степени децентрализовано.

Список источников

1. Григорьева Е.Е. Государственное управление сельскохозяйственным производством в Канаде. 2018. Курск: ООО «Учитель». 179 с.
2. Осинина А. Влияние Брексита на сельскохозяйственную и торговую политику Великобритании. Available at: <http://agrarian.expert/vliyanie-breksita-naselskohozyajstvennuju-i-torgovuju-politiku-velikobritanii/> (accessed 15 december 2022).
3. DEFRA (2021). Official Statistics on Rural population and migration. Available at: <http://www.gov.uk/government/statistics/rural-population-and-migration/rural-population-and-migration> (accessed 14 december 2022).
4. DEEFRA (2022). Rural Development Programme England. — <https://assets.publishing.service.gov.uk/>

government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/823676/rdpe-prog-doc.pdf (accessed 14 december 2022).

5. DAERA (2021). Rural Development Programme Northern Ireland. Available at: <https://www.daera-ni.gov.uk/publications/2014-2020-rural-development-programme> (accessed 16 december 2022).

6. European Commission (2020). ESIF 2014-2020: Total Budget by Country (daily update): EAFRD. Available at: <http://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/eafrd#top> (accessed 15 january 2023).

7. Institute for Government (2022). Agriculture subsidies after Brexit. Available at: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/explainers/agriculture-subsidies-after-brexite> (accessed 14 january 2023).

8. Luke (2021). The number of farms decreasing, while agricultural land remains in use. Available at: <http://www.luke.fi/en/news/the-number-of-farms-decreasing-while-agricultural-land-remains-in-use> (accessed 12 january 2023).

9. Maaseutu (2020). Rural Development Programme for Mainland Finland 2014–2020. Available at: http://www.maaseutu.fi/uploads/rural_development_programme_2014-2020.pdf (accessed 14 january 2023).

10. OECD (2020). Rural Well-being: Geography of opportunities. OECD Country notes. Available at: <http://www.oecd.org/regional/Rural-WellBeing-Canada.pdf> (accessed 24 january 2023).

11. ONS (2019). Gross Domestic Product. Available at: <http://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp> (accessed 22 december 2022)

12. ONS (2020). Population estimates for the UK, England and Wales, Scotland and Northern Ireland. Available at: <http://www.ons.gov.uk/releases/populationestimatesfortheukenglandandwalesotlandandnorthernirelandmid2020> (accessed 20 december 2022).

13. Scottish Government (2020). Rural Development Programme Scotland. Available at: <http://www2.gov.scot/Resource/0054/00544562.pdf> (accessed 23 december 2022).

14. Statistics Canada (2021). Available at: <http://www.statcan.gc.ca/en/> (accessed 16 january 2023).

15. Statistics Finland (2022). Utilised Agricultural Area 2021. Available at: <http://www.luke.fi/en/statistics/utilised-agricultural-area/utilised-agricultural-area-2021> (accessed 15 january 2023).

16. Torre A., Wallet F. (2016). Regional Development in Rural Areas. Analytical Tools and Public Policies. Springer, 2016, 110 p.

17. Trading economics (2021). Finland, Rural Population. Available at: <http://tradingeconomics.com/finland/rural-population-percent-of-total-population-wb-data.html> (accessed 17 january 2023).

18. Ward N. (2012). England's rural economies: 20 Years on from Faith in the Countryside. In: *Faith and the Future in the Countryside* (eds. A. Smith, J. Hopkinson). Norwich: Canterbury Press, pp. 1–21.

19. Welsh Government (2019). Rural Development Programme Wales. Available at: <http://gov.wales/sites/default/files/publications/2019-07/rural-development-programme-document-2014-to-2020.pdf#page=1354&zoom=100,56,357> (accessed 23 december 2022).

References

1. Grigoreva E.E. (2018). *Gosudarstvennoe upravlenie sel'skokhozyaistvennym proizvodstvom v Kanade* [Public management of agricultural production in Canada], Kursk: Uchitel, 179 p.

2. Osinina A. (2021). *Vliyaniye breksita na sel'skokhozyaistvennyuyu i torgovuyu politiku Velikobritanii*. Available at: <http://agrarian.expert/vliyaniye-breksita-na-selskokozyajstvennyuyu-i-torgovuyu-politiku-velikobritanii/> (accessed 15 October 2022).

3. DEFRA (2021). Official Statistics on Rural population and migration. Available at: <http://www.gov.uk/government/statistics/rural-population-and-migration/rural-population-and-migration> (accessed 14 December 2023).

4. DEEFRA (2022). Rural Development Programme England. http://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/823676/rdpe-prog-doc.pdf (accessed 14 December 2022).

5. DAERA (2021). Rural Development Programme Northern Ireland. Available at: <http://www.daera-ni.gov.uk/publications/2014-2020-rural-development-programme> (accessed 16 December 2022).

6. European Commission (2020). ESIF 2014-2020: Total Budget by Country (daily update): EAFRD. Available at: <http://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/eafrd#top> (accessed 15 January 2023).

7. Institute for Government (2022). Agriculture subsidies after Brexit. Available at: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/explainers/agriculture-subsidies-after-brexite> (accessed 14 January 2023).

8. Luke (2021). The number of farms decreasing, while agricultural land remains in use. Available at: <https://www.luke.fi/en/news/the-number-of-farms-decreasing-while-agricultural-land-remains-in-use> (accessed 12 January 2023).

9. Maaseutu (2020). Rural Development Programme for Mainland Finland 2014–2020. Available at: http://www.maaseutu.fi/uploads/rural_development_programme_2014-2020.pdf (accessed 14 January 2023).

10. OECD (2020). Rural Well-being: Geography of opportunities. OECD Country notes. Available at: <http://www.oecd.org/regional/Rural-WellBeing-Canada.pdf> (accessed 24 January 2023).

11. ONS (2019). Gross Domestic Product. Available at: <http://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp> (accessed 22 December 2022)

12. ONS (2020). Population estimates for the UK, England and Wales, Scotland and Northern Ireland. Available at: <http://www.ons.gov.uk/releases/populationestimatesfortheukenglandandwalesotlandandnorthernirelandmid2020> (accessed 20 December 2022).

13. Scottish Government (2020). Rural Development Programme Scotland. Available at: <http://www2.gov.scot/Resource/0054/00544562.pdf> (accessed 23 December 2022).

14. Statistics Canada (2021). Available at: <http://www.statcan.gc.ca/en/> (accessed 16 January 2023).

15. Statistics Finland (2022). Utilised Agricultural Area 2021. Available at: <http://www.luke.fi/en/statistics/utilised-agricultural-area/utilised-agricultural-area-2021> (accessed 15 January 2023).

16. Torre A., Wallet F. (2016). Regional Development in Rural Areas. Analytical Tools and Public Policies. Springer, 2016, 110 p.

17. Trading economics (2021). Finland, Rural Population. Available at: <http://tradingeconomics.com/finland/rural-population-percent-of-total-population-wb-data.html> (accessed 17 January 2023).

18. Ward N. (2012). England's rural economies: 20 Years on from Faith in the Countryside. In: *Faith and the Future in the Countryside* (eds. A. Smith, J. Hopkinson). Norwich: Canterbury Press, pp. 1-21.

19. Welsh Government (2019). Rural Development Programme Wales. Available at: <http://gov.wales/sites/default/files/publications/2019-07/rural-development-programme-document-2014-to-2020.pdf#page=1354&zoom=100,56,357> (accessed 23 December 2022).

Информация об авторах:

Наумов Алексей Станиславович, кандидат географических наук, заведующий отделом изучения проблем сельского развития, Высшая школа экономики, заведующий кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5099-212X>, asnaumov@hse.ru

Акимова Варвара Владимировна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0071-1307>, varvaraakimova1576@gmail.com

Луговской Сергей Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права, Ставропольский государственный аграрный университет, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7668-0004>, s.lugovskoi@bk.ru,

Сидорова Дарья Андреевна, эксперт отдела методологии и организации форсайт-исследований, Высшая школа экономики, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1857-7604>, dsidorova@hse.ru

Information about the authors:

Alexei S. Naumov, candidate of geographical sciences, head of the department of rural development research, institute for agrarian studies, Higher School of Economics, head of the department of socio-economic geography of foreign countries, faculty of geography, Lomonosov Moscow State University, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5099-212X>, asnaumov@hse.ru

Varvara V. Akimova, candidate of geographical sciences, senior research, department of socio-economic geography of foreign countries, faculty of geography, Lomonosov Moscow State University, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0071-1307>, varvaraakimova1576@gmail.com

Sergey I. Lugovskoy, candidate of economic sciences, associate professor of the department of state and municipal administration and law, Stavropol State Agrarian University, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7668-0004>, s.lugovskoi@bk.ru

Daria A. Sidorova, expert of the department of methodology and organization of foresight studies, Higher School of Economics, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1857-7604>, dsidorova@hse.ru